

Татьяна Автухович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
(Гродно, Республика Беларусь)

ORCID 0000-0001-9640-8673

e-mail: avtuchovich@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА И МЕНТАЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

LITERATURE AND MENTALITY: MAIN DIRECTIONS OF RESEARCH

Abstract

The article characterizes the main directions of study of the problem of “mentality and literature” in modern humanities, literary criticism including. The connection between mentality and the problems of the national character is determined. The role of Belarusian literature and culture in the formation of the national identity of Belarusians is emphasized.

Keywords: mentality, literature, national character, Belarus.

Проблема менталитета/ментальности актуализировалась в гуманитарной науке на постсоветском пространстве в начале 90-х годов XX века, что, по мнению специалистов, объясняется проявившейся в это время устойчивостью стереотипов мышления и поведения, характерных для сознания людей советской эпохи. Однако история изучения ментальности имеет давние традиции – она восходит к эпохе романтизма, для которого был характерен интерес к национальной специфике жизни народа. Еще до появления термина «ментальность» (Р. Эмерсон, А. де Токвиль) Фр. Аст, создавая теорию герменевтики, писал о «духе» античности, который в его представлении есть фокус и принцип всей жизни, отразившейся в литературных памятниках. Изучение проблемы ментальности на протяжении XIX-XX веков в рамках антропологии, психологии и психоанализа, философии, ис-

тории, социологии, культурологии, лингвистики¹, ставшее особенно интенсивным в результате антропологического, феноменологического и лингвистического поворотов второй половины XX в., позволило дать определение феномена (ментальность (менталитет) – (от лат. *mens, mentis* – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности²), выявить специфику ментальности в отличие от различных идеологических конструкций (открытость, незавершенность, континуальность, диффузная природа, «разлитость» в культуре и обыденном сознании³), охарактеризовать факторы, формирующие ментальность народа, социальной группы или индивида (географическое положение, специфика территории и климата, этногенез, исторические катаклизмы, геополитическое положение, взаимоотношения с соседями, политический строй, религиозные верования, культура и язык), обозначить функции и способы реализации в культуре (например, Г. Бутуль: ментальность – совокупность идей и интеллектуальных установок находится между человеком и воспринимаемым им миром «как призма»; Л. Февр и М. Блок: ментальность – система «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем⁴), очертить проблемное поле и ключевые слова гуманитаристики, ориентированной на исследование различных проявлений ментальности, среди которых повседневность, поведенческие практики простых людей (традиции и нормы бытового поведения, ритуалы и языки общения), ценностные представления (в том числе о духовном и материальном, жизни и смерти, доме и стране, любви и семье, родителях и детях и т.д.), способы (культурные коды) семиотического воплощения представления о мире в текстах, а также в языке.

История литературоведческого освоения понятия «ментальность» в его соотнесении с литературными текстами коррелирует с основными методами изучения литературы. Представляется, что

¹ Обзор основных направления исследования менталитета/ментальности представлен в: Виктор Кириенко: *Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы*. Гомель 2009. См. также: Лев Пушкарев, Наталья Пушкарева: *Ментальности (менталитет)* https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/MENTALNOSTI_MENTALITET.html

² Лев Пушкарев, Наталья Пушкарева, *op. cit.*

³ *Ibidem*

⁴ *Ibidem*

первый подход к проблеме был осуществлен основателем культурно-исторической школы Ипполитом Тэнном, который (возможно, в противовес универсалистским / космополитическим установкам Гёте, Гердера, Шлёцера и др.) считал необходимым учитывать влияние на произведения литературы (шире – искусства) таких факторов, как *раса, среда*, в том числе географическое местоположение страны, особенности местности, нравственные представления народа, быт, форма политического устройства; *момент* как определённый этап истории данной культуры. Недооценка эстетической функции литературы, в чем обычно упрекают И. Тэна современные литературоведы, не отменяет продуктивности самого подхода и его эвристического потенциала.

Нельзя не заметить, что выявленные Тэнном факторы получили развитие во второй половине XX – XXI вв. Так, фактор расы в его влиянии на литературное творчество, который уже И. Тэн связывал с понятием национального характера, в разных вариациях осмысливается сегодня в русле тенденций мультикультурализма и постколониализма, предполагая отход от европоцентристского канона, установку на изучение всех литератур мира независимо от каких бы то ни было оценочных (иерархических) критериев и с акцентом на выявление этнически обусловленного видения и означивания мира. В русле этого тренда в литературоведении возникли новые направления, направленные как на осмысление иного/другого в его национально-культурной обусловленности (в том числе имагология, эмигрантология и т.д.), так и на исследование пограничных феноменов (например, креолизованная литература, проблемы транскulturации, гибридизации, национальной идентичности, регионалистики и т.д.). Во всех указанных случаях литературоведение проявляет интерес к проблеме авто- и взаимоиnтерпретации культур, используя и структуралистские, и постструктуралистские подходы к анализу текста, но в проекции на выявление бессознательных, национально обусловленных стереотипов восприятия мира, как они представлены в тексте художественного произведения.

Отмеченный И. Тэнном фактор среды также был актуализирован в современном литературоведении, получив новую интерпретацию именно в связи с проблемой ментальности в ее обусловленности географическим и природным ландшафтом и отражением в языке. Под руководством Д. Замятина исследование ментальных образов культурных и ландшафтных пространств (в том числе в рамках изучения мифологии пространства, литературной топологии, поэтики

пространства и т.д.) оформилось в междисциплинарное направление, получившее название «гуманитарная география»⁵. Изыскания Н. Анциферова, В. Топорова, Ю. Лотмана, В. Щукина, О. Купцовой, Е. Дмитриевой, А. Гениса, И. Видугирите и др. в области геопоэтики открыли перспективу изучения локальных текстов русской литературы и индивидуальных (писательских) «городских» текстов, в которых отразилась взаимосвязь ландшафта, его психологического переживания и семантики образов.

Впечатляющую попытку рассмотреть специфику восприятия окружающего пространства в связи с национальным характером и ментальностью народа предпринял Г. Гачев. Наследуя и развивая идеи географического детерминизма В. Ключевского, а также Н. Бердяева, который в книге «Судьба России» обосновал понятие пейзажа души, связав особенности русского национального характера с влиянием Великой русской равнины, Г. Гачев выпустил серию книг «Национальные образы мира»⁶, обобщив свое исследование в концепции космо-психо-логоса⁷, где природа предстает как мистическая субстанция, порождающая арсенал символов-архетипов данного народа, традиционные образы национальной культуры и литературы. Г. Гачев создал направление, которое назвал экзистенциальной культурологией, описав в этом ключе культуру Индии⁸ и других стран, поставив вопрос о национальном Эросе⁹ и национальных образах Бога¹⁰, дав, таким образом, наиболее системное, хотя и неоднозначное, осмысление популярных, особенно во второй половине XX века, идей Н. Федорова, А. Чижевского, В. Вернадского, Л. Гумилева и других ученых в проекции на исследование культуры и литературы в их причинно-следственной связи с ментальностью, которая в свою очередь формируется в определенном географическом пространстве.

⁵ См. выпуски научного и культурно-просветительского альманаха *Гуманитарная география* (2004-2010).

⁶ Георгий Гачев: *Национальные образы мира. Общие вопросы (Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский)*. Москва 1988; он же: *Национальные образы мира. Соседи России: Польша. Литва. Эстония*. Москва 2003 и другие.

⁷ Георгий Гачев: *Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос*. Москва 1995.

⁸ Георгий Гачев: *Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии)*. Москва 1993.

⁹ Георгий Гачев: *Русский Эрос («роман» Мысли с Жизнью)*. Москва 1994.

¹⁰ Георгий Гачев: *Образы Божества в культуре: Национальные варианты*. Москва 2016.

В сущности перед нами вариант «антропологической оптики» (И. Прохорова), которая позволяет увидеть человека через значимые для него контексты среды обитания, формирующие его подсознательные установки, психофизиологические особенности – поведенческие ритмы и ритмы дыхания и речи, направленность взгляда, ширину и глубину – используем прекрасное поэтическое слово – *окоема*. Эта идея, выросшая из исследований лингвистов начиная с Гумбольдта, который утверждал, что «язык сплетается из пространства», получила оригинальное воплощение в работах В. Подороги¹¹: утверждая, что ландшафт влияет на способ мысли и проявляется в стиле и коммуникативной структуре высказывания, философ настаивает на изоморфности всех способов восприятия пространства и соответственно его оформления в текстах каждого из исследуемых авторов. Визуальный образ соотносится с его вербальным переживанием, телесный уровень, то есть психомоторные эффекты, зависящие от позиции и положения наблюдателя в пространстве, определяет род философского письма, в котором перцептивные и интеллектуальные импульсы предопределяют специфическую организацию текстового пространства. Так, пространство моря, рядом с которым прошла юность Киркегора, формирует эффект «широты» и технику пунктуационного (точечного) письма, которая в свою очередь характеризует его стратегию воздействия на читателя; напротив, подземные, морские, горные пространства биографии Ницше, согласно В. Подороге, определяют «восхождение» как позицию наблюдателя и технику афористического письма как наиболее приемлемую форму его дионисийского, экстатического, «танцующего мышления». Не используя термин «ментальность», рассматривая «метафизику ландшафта» на примере философских, а не литературных текстов, иногда прямолинейно трактуя связь авторского мышления и манеры письма с окружающим пространством, В. Подорога тем не менее обозначил возможное направление исследования литературы.

Проблема ментальности имеет и историческое измерение, что, как уже было сказано, осознавал И.Тэн, указав на фактор обусловленности произведений культуры и искусства уровнем исторического развития. В аспекте исторической поэтики к этой проблеме обратил-

¹¹ Валерий Подорога: *Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX вв.* Москва 1993; он же : *Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Сёрен Киркегор. Фридрих Ницше. Мартин Хайдеггер. Марсель Пруст. Франц Кафка.* Москва 1995 и другие.

ся В. Тюпа, который рассмотрел соотношение ментальности и литературы в применении к способам эстетической коммуникации. Определив ментальность как «системное единство: ценностных интенций сознания; интеллектуальных категорий; микросценариев мышления (фреймов); стереотипов эмоциональных и поведенческих реакций; а также культурных кодов, обеспечивающих когерентность (связность, взаимообусловленность, перечисленных сторон духовной жизни»¹², В. Тюпа поставил вопрос о феномене мегакультурной ментальности, «свойственной целым историческим эпохам»¹³: развитие социального филогенеза и психологического онтогенеза позволяет представить историю человеческой цивилизации как смену четырех «фундаментальных состояний человеческого духа» или иначе – «модальностей самоидентификации субъекта»¹⁴: *роевой Мы-менталитет* (статусно-роевое, анонимное сознание), при котором субъект предстает как «один из многих»; *ролевой Он-менталитет* (нормативно-ролевое, авторитарное сознание) предполагает самоидентификацию индивида со своей ролью в миропорядке; *дивергентный Я-менталитет* (автономное, радикально индивидуализированное сознание) определяет самоидентификацию личности с содержанием собственного сознания, представление «я» как «единственного»; *конвергентный Ты-менталитет* (радикально диалогизированное сознание) характеризует способность «я» мыслить себя как «ты» для окружающих, как «разного для разных»¹⁵. Исторический тип менталитета обуславливает и отражается в типе художественного языка, в соответствии с чем В. Тюпа выделяет типы дискурсных формаций (парадигм художественности); в свою очередь изменение менталитета приводит к изменению всей системы литературы, прежде всего на уровне поэтики. Обобщенность характеристик основных типов ментальности не исключает возможности, более того, предполагает исследование конкретных воплощений исторических форм менталитета в литературном произведении¹⁶. Особый интерес представляют так

¹² Валерий Тюпа: *Дискурсные формации : Очерки по компаративной риторике*. Москва 2010, с.20.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Валерий Тюпа, *op. cit.*, с.22

¹⁵ Валерий Тюпа, *op. cit.*, с.22-25.

¹⁶ См., например: Валерий Тюпа: *Литература и ментальность*. Москва 2018. В книге исследуется неклассическая парадигма художественного письма: основные поэтические направления русского постсимволизма XX века – авангардизм, соцреализм и неотрадиционализм представлены как различные

называемые переходные эпохи, когда изменение ментальности отражается на всех уровнях текста. Можно предположить, что восприятие нормы (ценностной, жанровой, стилистической и т.д.) и отклонений от нее в процессе литературного развития зависит от этапов зарождения, становления и постепенной трансформации соответствующего типа ментальности. Реализация данного подхода позволяет представить историю литературы как историю сменяющих друг друга дискурсов, в основе которых лежат определенные ментальные матрицы.

Наконец, проблема ментальности напрямую связана с проблемой национальной идентичности, которая была поставлена еще во второй половине XVIII-XIX веке в контексте формирования наций. Существенно, что комплекс представлений о нации и национальной идентичности конструируется исторически, в том числе в рамках разных философских, политических и идеологических концепций, и получает широкое распространение благодаря усилиям национальной культурной элиты. Сложность заключается в проблематичности критериев выделения нации, среди которых называются наличие суверенного государства, территориальная целостность, национальная и конфессиональная однородность населения, общность языка, – эти критерии носят дискуссионный характер и не всегда способствуют национальному самоопределению. Немаловажными, особенно в последние десятилетия, оказались такие факторы, как глобализация, интенсивные миграционные процессы, развитие цифровых технологий, сети интернет, массовой культуры, которые, с одной стороны, размывают представление о национальной принадлежности, с другой стороны, парадоксальным образом способствуют осознанию ментальных и культурных отличий.

В этом контексте особый интерес представляет проблема белорусской ментальности. Специфика географического положения Беларуси – в центре Европы, на оси Север-Юг, Восток-Запад обусловила судьбу ее территории, которая на протяжении истории, во-первых, много раз меняла свою государственную «прописку» – входила в сферу интересов Киевской Руси, потом в состав Великого Княжества Литовского, затем – Речи Посполитой, затем Российской империи и Советского Союза; во-вторых, постоянно становилась местом перемещения войск и драматичных военных столкновений; в-третьих, периодически оказывалась объектом передела в результате политичес-

типы дискурса, за которыми стоит определенные ментальные установки.

ких решений. Это обстоятельство имело много последствий: территориальная неопределенность (часть земель, где до сих пор проживают этнические белорусы, отошла к России, часть к Польше и Литве), разнонаправленность геополитических предпочтений белорусов – в разных частях страны население ментально в большей степени тяготеет к ближайшему соседу – либо к России, либо к Украине, либо к Польше; своеобразная национальная и религиозная ситуация – в стране испокон веков проживают люди разных национальностей (наряду с белорусами русские, поляки, татары, евреи, украинцы, литовцы, латыши) и разного вероисповедания (православные, католики, униаты, протестанты, мусульмане и т.д.); наличие множества противоположных, часто дискуссионных, представлений об исторической судьбе страны (в том числе об этногенезе белорусов), о ее прошлом, о национальных символах, векторах и путях развития¹⁷; неоднозначная языковая ситуация – большинство населения говорит на русском языке, при этом зная и понимая язык белорусский, а также польский и украинский (при этом стоит отметить, что между двумя мировыми войнами в стране было четыре государственных языка – белорусский, русский, польский и еврейский). Геополитическая и историческая специфика сформировала определяющие черты национального белорусского характера – толерантность, сдержанность в общении, осторожность в проявлении своих взглядов и предпочтений, нерешительность в принятии решений. Существенным является отсутствие гражданской активности, вовлеченности в решение судьбы страны как целого:

феномен “малой родины” оказывается не просто характерным, но доминантным в белорусской ментальности, фактически замещающим феномен “большой родины”. Следовательно, по отношению к белорусским реалиям можно даже говорить о неопределенности, размытости в белорусской ментальности понятия родины в ее этатическом (государственном) значении. [...] Подобная уникальная ситуация, которая во многом отличает Беларусь даже от стран-соседей, обусловлена всем ходом истории белорусских земель и национальной культурой Беларуси¹⁸.

В формирование ментальных характеристик белорусов свой вклад внесли и природно-климатические условия: реки, озера, леса, ограничивающие горизонт, болота и вековые пущи, бедные почвы,

¹⁷ См., например: Вадим Деружинский: *Мифы о Беларуси*, Минск 2020.

¹⁸ Олег Галкин: *Феномен «малой родины» в контексте истории и культуры Беларуси*, в: *Культура Беларуси: реалии современности* : сб. науч. ст. Минск 2018, с.58.

мягкий климат («около ноля»), серое нависшее небо, отсюда трудолюбие (или привычка к труду¹⁹), сердечность, способность к состраданию и чувство солидарности, уважение к правам другого человека, привязанность к своему дому и наделу земли, неяркость, скромность внешних проявлений, которая компенсируется мечтательностью, склонностью к созерцательному, поэтическому отношению к миру и происходящему (белорусы, по словам А. Ходановича, – нация поэтов). Этнологи отмечают симбиоз христианства и языческих верований в культуре белорусов, которые обожествляют природу, все живое вокруг, что дает основания говорить о целостности, синкретичности человека, общества и природы в ментальности белорусов, об алгоритме гармонии и согласия как их поведенческой доминанте, о своеобразной незамутненной цивилизационными наслоениями чистоте сознания²⁰.

Е.Ф. Карский писал о белорусской природе: «[...] свежему человеку, побывавшему в Белоруссии впервые, кажется, что здесь процесс творения, состоящий в отделении воды от земли, еще не завершен вполне, а продолжается до сих пор [...]»²¹. Слова замечательного ученого сегодня воспринимаются как пророчество судьбы белорусов как нации. Этот затянувшийся процесс, вызывавший еще в начале нынешнего столетия у белорусской творческой интеллигенции иронические (авто)комментарии, неверие в будущее, лирическое переживание остановившегося времени, зависания «между» – между небом и землей, прошлым и будущим, реальной и виртуальной действительностью²², неожиданно для многих завершился пассионарным взрывом, рождением нации.

Здесь уместно привести слова Славоя Жижека из его рецензии на фильм *Кориолан*: «В *Феноменологии* Гегель упоминает “тихое веянье духа”, незаметную работу по смене идеологических координат, преимущественно скрытую от глаз публики, которая заканчивается взрывом, ставшим для всех настоящим сюрпризом»²³. В Беларуси

¹⁹ Виктор Кириенко, *op. cit.*

²⁰ Виктор Кириенко, *op. cit.*

²¹ *Ibidem*, с.58.

²² Татьяна Автухович: *Жизнь в виртуале, или Конфигурация внутреннего пространства в условиях белорусской гетеротопии*, в: *Гетеротопии: миры, границы, повествование*: Сборник научных статей. Вильнюс 2015, с.42-53.

²³ Славой Жижек: «*Кориолан*». *Призраки новой войны (О фильме "Кориолан" (Coriolanus) Рэйфа Файнса, Великобритания, 2011)*. <https://center-for-politics-analysis.ru/position/read/id/koriolan-prizraki-novoj-vojny>

незаметную работу по осмыслению ментальности своего народа и формированию его национального самосознания на протяжении более ста лет проделывали белорусские поэты и писатели, шире – интеллигенция. Об этом – наш тематический блок, посвященный белорусской ментальности и его отражению в литературе.

REFERENCES:

- Avtuhovich Tat'yana: *ZHizn' v virtuale, ili Konfiguraciya vnutrennego prostranstva v usloviyah belorusskoj geterotopii*, "Geterotopii: miry, granicy, povestvovanie". Vil'nyus 2015, s.42-53 (Автухович Татьяна: *Жизнь в виртуале, или Конфигурация внутреннего пространства в условиях белорусской гетеротопии*, в: *Гетеротопии: миры, границы, повествование: Сборник научных статей*. Вильнюс 2015, с.42-53).
- Galkin Oleg: *Fenomen "maloj rodiny" v kontekste istorii i kul'tury Belarusi*, "Kul'tura Belarusi: realii sovremennosti" Minsk 2018 (Галкин Олег: *Феномен «малой родины» в контексте истории и культуры Беларуси*, в: *Культура Беларуси: реалии современности* : сб. науч. ст. Минск 2018).
- Gachev Georgij: *Nacional'nye obrazy mira. Obshchie voprosy (Russkij. Bolgarskij. Kirgizskij. Gruzinskij. Armyanskij)*. Moskva 1988 (Гачев Георгий: *Национальные образы мира. Общие вопросы (Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский)*. Москва 1988).
- Gachev Georgij: *Nacional'nye obrazy mira. Sosedi Rossii: Pol'sha. Litva. Estoniya*. Moskva 2003 (Гачев Георгий: *Национальные образы мира. Соседи России: Польша. Литва. Эстония*. Москва 2003).
- Gachev Georgij: *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos*. Moskva 1995 (Гачев Георгий: *Национальные образы мира. Космо-Психологос*. Москва 1995).
- Gachev Georgij: *Obrazy Indii (Opyt ekzistencial'noj kul'turologii)*. Moskva 1993 (Гачев Георгий: *Национальные образы мира. Космо-Психологос*. Москва 1995).
- Gachev Georgij: *Russkij Eros («roman» Mysli s ZHizn'yu)*. Moskva 1994 (Гачев Георгий: *Русский Эрос («роман» Мысли с Жизнью)*. Москва 1994).

- Gachev Georgij: *Obrazy Bozhestva v kul'ture: Nacional'nye varianty*. Moskva 2016 (Гачев Георгий: *Образы Божества в культуре: Национальные варианты*. Москва 2016).
- Deruzhinskij Vadim: *Mify o Belarusi*, Minsk 2020 (Деружинский Вадим: *Мифы о Беларуси*, Минск 2020).
- ZHizhek Slavoj: "Koriolan". *Prizraki novoj vojny (O fil'me "Koriolan" (Coriolanus) Rejfa Fajnsa, Velikobritaniya, 2011)*. (Жижек Славой: «Кориолан». *Призраки новой войны (О фильме "Кориолан" (Coriolanus) Рэйфа Файнса, Великобритания, 2011)*)
- Kirienko Viktor: *Belorusskaya mental'nost': istoki, sovremennost', perspektivy*. Gomel' 2009 (Кириенко Виктор: *Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы*. Гомель 2009).
- Podoroga Valerij: *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filozofskoj kul'ture XIX-XX vv.* Moskva 1993 (Подорога Валерий: *Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX вв.* Москва 1993).
- Podoroga Valerij: *Vyrazhenie i smysl. Landshaftnye miry filosofii : Syoren Kirkegor. Fridrih Nicshe. Martin Hajdegger. Marsel' Prust. Franc Kafka.* Moskva 1995 (Подорога Валерий: *Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии : Сёрен Киркегор. Фридрих Ницше. Мартин Хайдеггер. Марсель Пруст. Франц Кафка*. Москва 1995).
- Pushkarev Lev, Pushkareva Natal'ya: *Mental'nosti (mentalitet)* (Пушкарев Лев, Пушкарева Наталья: *Ментальности (менталитет)*)
- Tyupa Valerij: *Diskursnye formacii : Oчерki po komparativnoj ritorike*. Moskva 2010 (Тюпа Валерий: *Дискурсные формации : Очерки по компаративной риторике*. Москва 2010).
- Tyupa Valerij: *Literatura i mental'nost'*. Moskva 2018 (Тюпа Валерий: *Литература и ментальность*. Москва 2018).